

*Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе.
О верноподданном Солнца —
Самодержавном народе.*

Велимир ХЛЕБНИКОВ

РАССКАЗ об экспозиции "Кустарь и революция", открывшейся в Музее декоративно-прикладного искусства, я начинаю именно с Велимира Хлебникова. Почему? Его запредельный, археофутуристический космос был обращён к будущему, но одновременно — к праистории или, как пишет современный философ и поэт Виталий Аверьянов: "Хлебников явился в отечественной культуре уникальным самородком стихийного русского традиционализма".

ар-нуво. Тут смешалось "высокое" византийское, царское и простонародно-сельское в той дивной пропорции, что восторгает и поныне.

Русский опыт не был единственным — вся Европа, увлечённая фолькл-стилями, искала нетривиальные пути. В Германии процветал Deutscher Werkbund — объединение художников, архитекторов, мастеров и предпринимателей, ставивших себе целью развитие немецких промыслов и встраивание их в индустриальный ритм XX века. Британское движение Arts & Crafts имело те же задачи, но с бóльшим уклоном в изящные искусства, ибо у истоков стояли прерафаэлиты.

Чем хороша эта выставка? У неё как бы два пласта восприятия: мы наблюдаем "русское" в качестве

Голицына увлекали море, корабли, далёкие страны, и, вместе с тем, он живо интересовался народными промыслами. Представлена шикарная перчаточница с изображением всадников — это воины Красной армии. Всё подчинено древнему языческому ритму и быстроте наступившего дня. Эта коробочка, предназначенная для тоненьких дамских перчаток, поражает своей орнаментальной энергией.

Далее — шкатулка под названием "Красноармеец-отпускник — лучший гость в деревне". Разворачивается настоящая мелодрама с участием фигуристых девчат, гармониста, сельхора и главы избы-читальни, а в центре повествования — сам усач-красноармеец, на которого с удивлением смотрят босонogie пионеры. "Под наши радостные кли-

ларским" выражением лица и в конечном итоге уморили в лагере. Одной из копосальных и роковых ошибок раннесоветской власти было третирование "попутчиков из бывших". Трагедия Голицына — обычный пример жестокого и бесполезного выкорчевывания "господ".

Иначе сложилась жизнь Ивана Овешкова (1877-1942) — сибирского саморodka из Тобольска. Начиная он в 1-й сибирской кусторезной мастерской, принадлежавшей его отцу. Затем оттачивал умения в Петербургском училище барона Штиглицца, однако вернулся домой, чтобы поступить в тобольский театр. Овешков был и декоратором, и выдумщиком завлекательных афиш, и даже неплохим актёром. После революции он поселился в Москве, хотя не обделял вниманием и любимую Сибирь. Преподавал в техникуме кустарной промышленности при ВСНХ, потом работал в Сергиевом Посаде. Главной страстью Овешкова были игрушки, он смешил разные стили, выдавая нечто почитительное, забавное и всегда особое. Но и не только игрушки — тобольский умелец был горазд на "серьёзные" штуки. Экспозиция представляет ларец Ивана Овешко-

как способный рисовальщик и был отправлен на учёбу в Москву, где с золотой медалью окончил Императорское центральное художественно-промышленное училище (ныне — Строгановка). Начал успешную карьеру, взлетел, а тут — война и офицерские погонь.

После революции ездил в составе агитпоездов и подвизался в качестве плакатиста. Отремела Гражданская. Тихонов обосновался в Москве и занялся педагогической деятельностью в уже упоминавшемся Кустарном техникуме, успевая ещё и расписывать "древнерусские" ковши большевистскими воззваниями. В эру Сталина декорировал павильоны ВСХВ, не брезговал и рекламой для пудрово-помадного треста ТЭЖЭ. В годы Великой Отечественной Тихонов рвался на фронт, но оказался гораздо нужнее в тылу, да и возраст был уже не тот. Он ещё долго работал, пережив большинство ровесников и друзей, а роспись по дереву для Кустарного музея — одна из глав его роскошной биографии.

В отдельной витрине расположены берестяные тусеки Бориса Ланге (1888-1969) и Евгения Теляковского (1887-1976). Привычная форма, наполненная остроидеологическим содержанием. Плю-

АРХЕОФУТУРИЗМ КРАСНОЙ РУСИ

**Выставка «Кустарь и революция»
в Музее декоративно-прикладного искусства**

Протекало это в рамках сложнейшего и многомерного феномена, названного для краткости "русский авангард". Ту же линию развивали и художники, трудившиеся над сохранением и приумножением народных промыслов после 1917 года.

Интереснейшая деталь: все мастера — интеллектуалы с великолепным образованием и тонким вкусом, позволявшим вписывать эстетику новорождённого большевизма в алгоритмы крестьянского мирозосерцаания. Владимир Голицын, Иван Овешков, Николай Тихонов..., к ним мы ещё вернёмся.

Нынешняя выставка — это воспоминание о мероприятии 1924 года, которое называлось так же: "Кустарь и революция" и, по сути, готовило экспонаты для грандиозной парижской Exposition 1925 года, где советский павильон оказался в числе самых посещаемых. Всех волновали социальные потрясения в заснеженной России. Но до этого события надо было ещё доехать, а потому "Кустарь и революция" стала отборочным турниром и, судя по воспоминаниям, битвой творческих амбиций.

Это "выставка о выставке", и нас погружают в атмосферу 1920-х, рассказывая историю, большую часть которых мы успели подзабыть. Согласитесь, что мало кто нынче знает о существовании Центрального кустарного музея ВСНХ — важного фигуранта художественной и социально-политической жизни тогдашней Москвы (с лёгкой руки Ильфа и Петрова мы запомнили только Музей мебелиного мастерства, тогда как подобных арт-проектов в 1920-х учреждалось очень много и по любому поводу).

Но и это не самое начало пути! На выставке мы узнаём о деятельности Кустарного музея, появившегося задолго до революции — в 1885 году, когда он значился как Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства. Его пестовал negociant Сергей Морозов (младший брат Саввы), и его резон был не вполне коммерческим: на излёте XIX столетия во всём мире возникла тяга к народно-крестьянской и ремесленной тематике. Родился неорусский стиль, давший особенную ветвь

уникального и в качестве общемирового явления. Дореволюционные экспонаты — вводная часть, предисловие и преддверие. Мы отслеживаем творческие направления и, как теперь говорят, тренды и бренды. Вот предметы интерьера, украшенные резьбой: стол, стулья, секретеры, полки. Сочетание модерна с древнерусской манерой — парихижские виньетки, перетекающие в славянскую вязь. Чего больше: ремесла или искусства? Поровну!

Тут сотрудничали Аполлинарий Васнецов и Сергей Малютин — адепты и подвижники неорусского стиля. На мониторах можно увидеть их эскизы и чертежи с пометками, размерами, дополнениями. Рядом — зеркало, созданное по рисунку Александра Головина. Фотография его же павильона "Теремок": здесь переплетаются былина и быть, народное сказание и мистицизм Серебряного века. Следом — узорчатые шкафы и полки из мастерских Сергиева Посада — одного из ремесленных центров.

Мы приближаемся к основной теме — к большевистской, авангардной эстетике 1920-х. Безумное и ярое созвучие новаторства и древности. На выставочных витринах — ларцы, ковши и берестяные тусеки, орнаментированные серпом и молотом, звёздами, лозунгами; и если "пролетарский фарфор" широко известен, то шедевры Кустарного музея подзабыты, а зря: тут много изумляющей выдумки, талантов и загубленных творческих судеб, как ни прискорбно это звучит.

Перед нами вещи, созданные Владимиром Голицыным (1901-1943), потомком княжеского рода, иллюстратором книг и дерзновенным полярником. Всё в этом человеке было прекрасно: он верно служил обществу, хотя и без умиления от революции, отнявших у него всё, кроме доброго имени. Работал художником в одном из провинциальных отделений "Окон РОСТА", бывал в экспедициях на Колыском полуострове и Новой Земле, привёз оттуда целый альбом рисунков. Трудился в подростковых изданиях "Пионер" и "Всемирный следопыт". Разрабатывал настольные игры.

Шкатулка «Красноармеец-отпускник — лучший гость в деревне» (1920-е годы). Художник В.М. ГОЛИЦЫН

ки / Хвалой венчанный боевой, / Гроза всех шаек бело-диких, / Ты — величайший из великих, / Красноармеец рядовой!" — воскликал знаковый поэт эпохи Демьян Бедный. В 1920-х были востребованы лубки, частушки, рассказы в народной манере — с новейшим краснофлотским и комсомольским содержанием. Тут была уместной простецкая наивность, переходящая в лёгкую иронию.

Блюдо "Красноармеец" — узнаваемый голицынский почерк: тот же воин, что и на шкатулке, те же схематичные всадники по краю. Статика и динамика в ограниченном пространстве круга. Несмотря на то, что Голицын честно пропагандировал большевизм, его несколько раз арестовывали в связи с "непро-

ва — яркое, но не орущее звучание красного и жёлтого цветов: колосья, трудовая символика и аббревиатура "СССР".

Диковинны ковши Николая Тихонова (1892-1988) с алыми звёздами и лозунгом "Кто не работает — тот не ест". Христианский постулат, сформулированный апостолом Павлом во Втором Послании к фессалоникийцам: "Если кто не хочет трудиться, тот не ешь" (3:10). — превратился в краеугольную идею Советской власти. Что же касается автора, то Николай Тихонов прожил долгий век, находясь в элпцентре событий.

Сын и внук живописцев по фарфору (гарднеровскому, что в Вербилках), он в детстве проявил себя

неры, матросы и будённовские конники украсили традиционную сельскую тару. Эти восхитительные вещи в 1925 году экспонировались на Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes в Париже, где произвели фурор, как и всё русское, попадавшее на Запад. Устремлённость в грядущее и преклонение перед прошлым — вот что увидели гости советского павильона. "Здесь красных лебедей заря / Сверкает новыми крылами", — изрек сто лет назад Велимир Хлебников, и куда-то вновь поспкакали богатыри в будёновках, так похожих на древнерусские шлемы.

Галина ИВАНКИНА

Чувство "катастрофичности" овладело поэтами с поистине изумительной, ничем не преборимой силой. Александр Блок воистину был тогда персонификацией катастрофы.

Георгий ЧУЛКОВ

СИМВОЛ ВОСПЕВАНИЯ Красоты и Света, Любви и Доброты в людях, в их мыслях, в их чувствах в момент осознания неизбежности гибели всего устоявшегося, привычного, любимого, когда полюбившее становится во сто крат яснее и милее на самом краю того разлома времён, пламя которого бросает кровавый отблеск на лица... Песнь вещей птицы Гамаюн...

*На глядях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иао злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и золот, и пожар,
Злобеев силу, гибель правых...
Предвещным ужасом объят,
Прекрасный лик зорит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запелился кровью...*

Александр Блок... Чарующие и завораживающие стихи о Прекрасной Даме, Незнакомке, Снежной маске, его бышвишие провидения будущего в лирических строфах, его бурлящая и вздымающая душу поэма "Скифы", разочарованно-циничные пьесы "Балаганчик", "Незнакомка", и как поступл каменного Командора, как свист урагана в ушах, как безысходность Рока, как пляски Смерти — явление России его поэмы "Двенадцать".

Александр Блок — Серебряный век... Блок стоял у истоков журналов символистов "Новый путь". Тем не менее в 1904 году в декабрьском номере была опубликована некая анонимная статья (считали, что это Мережковский). В этой статье Блока величали такими словами: "Стихи без Дамы — часто слабый, лёгкий бред, точно призрачный кошмар, даже не страшный и не очень неприятный, а просто едва существующий, та непонятность, которую и не хочется понимать". Эти желчные строки говорят о величине той бури смешанных противоречивых эмоций, которую поэтический гений Блока, сам не желая того, поднял и закрутил в душах "собратей по литературному цеху".

Восхищение его непревзойдённым даром стихосложения, горечь зависти, понимание, что им никогда не добиться чеканности, музыкальности, выразительности блоковских строк, не получить от Бога блоковский прозорливости и блоковский способности донести до читателя трагедию неудержимо наваливающегося на Россию нового века...

Любовь и ревность, восхищение и зависть, желание привлечь в свой стан, но и убеждённость, что Александр Блок — одинокий столп.

Что он и есть тот гранитный блок, трилитон, в основании здания русской культуры.

Что он из тех людей, кто шепчет про себя слова другого гения прошлого века: "Веленью Божию, о Муза, будь послушна. Обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца"...

ВЕЩАЯ ПТИЦА ГАМАЮН

К 140-летию со дня рождения Александра Блока

Александр Блок и не стремился быть понятным обществом, свидетельствуют воспоминания именитых современников. Столько сказано о знаменитом красночёрчовом молчании Блока.

Но, по словам Бальмонта, это молчание было так проникновенно, что казалось, идёт неизъяснимо-значительный глубокий разговор. Человек-Джомолунгма: восхитительный, но недоступный, маящийся, но недоступный. Прекрасная загадка.

Тот случай, когда человек несёт в себе бремя таланта прозрения и отражения эпохи, так искренне стремится донести до нас мелодию тайных струн жизни, что риторика, аффектация, поза, поэзия фальшивы, чем столь часто грешат "матры", была ему абсолютно чужда и непримлема.

Описывая доклад, сделанный Блоком о кризисе гуманизма, Е. Замятин нарисовал нам такую картину: "Блок на каком-то возвышении, отдельно от всех. И помню, сразу же — стена между ним и всеми остальными, и за стеною — слышная ему одному и никому больше — варварская музыка пожаров, дымов, стихий".

А вот слова Бальмонта: "Казалось, что Блок поникал, пригибался, что тяжесть, которую он нёс, была слишком велика даже и для его сильных рук, даже и для его упрямства, священного, как обеты Средневековья".

Из воспоминаний А. Белого: Блок — человек, "сердце, которое, отображая Россию, так билось грядущим".

М. Горький назвал Александра Блока художником, "чувствующим очень глубоко и разрушительно".

Чем далее заходила необратимость ситуации в России, тем более смятенно и горько отражало эпоху всечеловечное, чуткое и глубокое сердце Александра Блока.

Сам Блок писал: "Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух". Что же задумано? Переделать всё. Устроить так, чтобы всё стало новым; чтобы лихая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью". Блок отразил мысль, витавшую в умах многих и многих его современников, наивных, искренних и прекраснодоушных... Так думали и мы в 90-е годы прошлого столетия. Но реальность оказывалась иной.

Можно не любить стихи, можно совсем не признавать поэзию, но при этом всегда по неупоминным признакам отличать настоящую поэзию от пафосной или бытовой поделки. Александр Блок не только хотел и мог высказать свои мысли и чувства, он тщательно отщеплял поэтические строки. Читая их, нельзя не восхититься целостным, выразительным и ярким звучанием. Воздействие на читателя или слушателя всеобъемлющее. Даже непонятные строки находят прямую отклик в сердце, минуя голову. Как работы художника Врубеля... Перекикаются в чём-то их прекрасные творения. И Блок, и Врубель делали всё "по-настоящему", добросовестно, усидчиво и с полной самоотдачей. Эти два творца не могли поступать иначе — это было в крови. Поэтому любое стихотворение Александра Блока сверкает гранями смысла и красотами стиля, как бриллиант, а про Михаила Врубеля Савва Мамонов сказал однажды так: "Вот Миша сидел, мазал, мазал что-то... бросил и ушёл. Я поднял. И непонятно, а хорошо!"

Александр Блок родился 28 (16 по старому стилю) ноября 1880 года. Его отец, Александр Львович Блок, был дворянином и приват-доцентом кафедры государственного права Варшавского университета. Отец был на восемь лет старше матери Саши, Александры Андреевны Бекетовой, переводчицы, дочери ректора Санкт-Петербургского университета. Странные приступы ярости иногда овладевали отцом поэта, он поднимал руку на жену. Супруги расстались.

Отношения старательно не поддерживали. Можно представить себе воздействие этого несчастливой брака на мальчика. В 1889 году Александра, натура творческая, эмоциональная и горячая, смогла добиться развода и повторно выйти замуж за Франца Феликовича Кублицкого-Пиоттуха, тогда капитана, впоследствии — генерал-лейтенанта российской армии.

Мать и сына всю жизнь соединяла необычайная духовная связь. Они не только понимали друг друга без слов, они и мучили друг друга слишком сильным пониманием и эмоциональным резонансом. Мать прибишала сына к большой литературе и философии. Говорить об этом они могли часами. Мальчик оказался талантливым и восприимчивым. И всегда, всю жизнь Александр ценил мнение матери в отношении своих стихов, ему всегда важны были её поддержка и понимание.

Первые свои стихи Саша написал в пять лет, в четырнадцать — издавал рукописный журнал "Вестник", в 17 лет ставил оценки и сам в них участвовал.

Первая любовь застлила Александра врасплох. Они с матерью были на курорте в Германии, и 17-летний романтик влюбился в 37-летнюю жену статского советника Ксению Садовскую. Ей он посвятил строки "Ночь на землю сошла. Мы с тобою одни..." Мать Саши была категорически против этих встреч, однако и в Петербурге встречи продолжались.

В 1893 году Александр окончил гимназию, поступил на факультет юриспруденции и, прочувившись там три года, перевёлся на историко-филологический, диплом которого получил в 1906 году.

Детство и юность Александра Блока накрепко связаны с Шахматово, именем его дедушки Андрея Бекетова. Соседями и друзьями Бекетовых были Менделеевы. Там же Александр встретил свою Невесту, Прекрасную Даму Любовь Менделееву, дочь всем известного Дмитрия Менделеева, создателя Периодической системы химических элементов.

Возникли романы: с актрисой Натальей Волоховой, с оперной певицей Любовью Андреевной-Дельмас... Следствием этих увлечений явилось возникновение любовного треугольника. Прекрасная Дамка поклонилась и Андрей Белый. С Бельем Блока связывала то искренняя дружба и взаимное восхищение творчеством, то ссоры и вызовы на дуэль.

И грянул 1905 год. И грянули бури, метели, стихии... В 1907 году Блок завершил цикл "Снежная маска", пишет пьесы, уже не возвышенно-романтические — горько-циничные... Через год выйдет третий сборник "Земля в снегу".

Когда в 1909 году умирает отец, Александр Блок наследует его состояние. Материально Блок и Менделеева не бедствовали никогда, вплоть до революции 1917 года.

В том же 1909 году поэт с женой уезжают в путешествие по Италии и Германии. Через некоторое время Блок пишет цикл "Итальянские стихи".

В 1911 году поэт, уже признанный мэтр и лидер в стане символистов, путешествует по Франции, Бельгии, Нидерландам.

В 1913 году Блок завершил пьесу "Роза и Крест" и уже составил трёхтомное собрание своих стихов.

В декабре 1913 года А. Блоку нанесла визит юная Анна Ахматова.

Блок написал ей мадригал, получивший широкую известность.

*"Красота страшна" — Вам скажут, —
Вы нахните лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.
"Красота проста" — Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребёнка,
Красный розан — на полу.
Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:
"Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убавить, не так проста я,
Чтоб не звать, как жизнь страшна".*

Ахматова ответила восхитённым стихотворением.

*Александру Блоку
Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.
И малиновое солнце
Над похматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!
У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.*

Первая мировая война краем затронула и Александра Блока — в 1916 году он был призван на службу в инженерную часть в Белоруссию. В письме матери он пишет: "Я озверел, полдня с лошадей по лесам, полям и болотам разьежаю почти неумный..."

А на пороге был уже 1917 год, революция — рубез и анафема, смерть и разгул, почти пугачёвщина и полный передел власти и собственности... То, что вначале многими с энтузиазмом воспринималось как свежий ветер свободы, окончилось для многих и многих смертью, эмиграцией, нищетой, душевным опустошением. Блок отказался от эмиграции, приветствовал новую жизнь, отдавал все силы, работая в бесконечных комиссиях и комитетах.

В начале 1918 года Александр Блок написал поэму "Двенадцать" и сразу после неё — стихотворение "Скифы". Какая разная судьба у этих двух произведений... Если "Скифы" своим пафосом, славленным с изумительной силой стихосложения, и теперь вызывают прилив душевного подъёма и гордости у читателя, то поэма...

Она поднимает в душе у читателя крайне тяжёлые чувства. Она прирнесла самому поэту неизмеримые беды и душевный разлад.

Она стоит особняком в его творчестве даже в смысле стилистики.

И временами хочется спросить: а это точно Блок написал? Да. Это Блок. И эта поэма — как "репортаж с петлей на шее". Страшные, вовсе не романтические, а грубые и грязные реалии революции повалили эту поэму.

И видится нам уже, и явственно ощущается то время, когда Прекрасная Дамка оказалась погребённой под волной лютотваста бунта "бессмысленного и беспощадного".

Александр Блок хотел и честно пытался понять, "куда несёт нас рок событий", и виделся ему образ Спасителя с кровавым флагом... спасение на крови?

Да полно... То ли? О том ли? В записной книжке 18 февраля 1918 года (вскоре после завершения поэмы) Блок писал: "Что Христос идёт перед нами — несомненно. Дело не в том, "достойны ли они его", а страшно то, что опять Он с ними, и другого пока нет; а надо Другого — ?"

20 февраля того же года Блок записал: "Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы "недостойны" Иисуса, который идёт с ними сейчас; а в том, что именно Он идёт с ними, а надо, чтобы шёл Другой!"

В течение столетия в литературной критике и в трудах православных мыслителей высказывались различные трактовки этого образа. Религиозный философ отец Павел Флоренский утверждал, что "Двенадцать" — "предел и завершение блоковского демонизма" и это выразилось в и искажении имени: "Исус" вместо "Иисус". То есть, по мнению Флоренского, перед нами Антихрист? Тоже духовная сущность, но со знаком "минус". Можно ли констатировать прямую связь данного образа с двенадцатым стихом двенадцатой главы Откровения Иоанна Богослова: "Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошёл диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остаётся времени"? Подобное совпадение названия поэмы с номером главы и стиха "Апокалипсиса" можно ли рассматривать как случайность?

Перед смертью поэт часто болел. Политбюро ЦК РКП(б) на запрос о выезде из страны для лечения и на последующее ходатайство Максима Горького ответило отказом. После такого решения Блок отказался принимать pills и лекарства, уничтожил свои записи. Блок, умирая, счёл создание "Двенадцати" роковой ошибкой и просил отыскать все экземпляр поэмы и сжечь.

Александр Блок скончался от болезни сердца 7 августа 1921 года в Петрограде среди нищеты.

*Душа могилит.
В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате ыль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит — и внемлет крикам,
И зрит далёкие миры,
Но в одиночестве дуликом
Готовит чуждые дары,
Дары своим богам готовит
И, умиаённая, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далёкий зов другой души...
Так — белых птиц над океаном —
Неразлучённые сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.*

Ирина ПИЧУГИНА